

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Немецкий рыцарь
Гец фон Берлихинген
потерял на войне правую
руку, и искусные оружейники
сделали ему железный
протез, обладающий
мистическими
свойствами...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Перчатка немецкого рыцаря

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Перчатка немецкого рыцаря

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Перчатка немецкого рыцаря / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-103280-7

Много лет назад Арина стала свидетельницей страшного преступления. Эти воспоминания преследуют ее и отравляют благополучную жизнь жены успешного бизнесмена. Но ее супруг Николай в последнее время сильно изменился. Он где-то приобрел уникальный старинный артефакт – железную руку немецкого рыцаря – и теперь носит этот древний протез взамен современного. Арине Николай сказал, что потерял правую руку во время Афганской войны. Но правда ли это? Почему в таком случае он так боится? И для чего на самом деле ему нужна железная рука, окутанная старинными мистическими легендами?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103280-7

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Николаевна Александрова

Перчатка немецкого рыцаря

© Александрова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Рослый бритоголовый мужчина средних лет в дорогом бежевом пальто подошел к черному «Мерседесу». Охранник распахнул перед ним дверь машины.

– Вы все помните? – спросил он бритоголового. – Не хотите еще раз пройти по сценарию?

– Само собой, все помню! Что тут запоминать? Всего один листок! А какая у меня сверхзадача?

– Какая еще сверхзадача? – поморщился охранник. – Ваша задача – выполнить наши условия. Доехать до места и войти в дверь...

– И это все, что я должен сделать?

– Все, все, – подтвердил тот. – Как только доедете до места, выйдете из машины и войдете в дверь – ваша роль закончена. Вы получите вторую часть денег и будете совершенно свободны.

Бритоголовый удовлетворенно кивнул, устроился на заднем сиденье, и «Мерседес» выехал с парковки.

Проводив машину взглядом, охранник достал из кармана куртки компактное переговорное устройство и произнес:

– Альфа, Альфа, говорит Омега. Номер второй выехал, можете выпускать первого!

Черный «Мерседес» подъехал к бизнес-центру на Малом проспекте Васильевского острова, остановился недалеко от входа. Молодой охранник выскочил из автомобиля, огляделся по сторонам и предупредительно распахнул заднюю дверь.

Бритоголовый мужчина выбрался на тротуар, придал своему лицу властное и сосредоточенное выражение, направился к двери бизнес-центра. Охранник шел рядом с ним, сканируя взглядом улицу и что-то негромко говоря в гарнитуру.

В это время из припаркованной рядом с бизнес-центром маленькой красной машины выскочила высокая молодая женщина в длинном кожаном плаще оливкового цвета, топорщившемся на груди.

Шагнув навстречу бритоголовому мужчине, женщина сунула правую руку под плащ. Охранник кинулся к ней, в то же время из черного «Мерседеса» выскочили еще двое.

Девушка испуганно попятилась. Из-под ее плаща выкатился пушистый рыжий комок, бросился под ноги охраннику. Тот оступился, выругался, но продолжил движение и, схватив девушку в плаще за руку, заломил ее за спину.

– Что такое?! – заверещала она. – Отпустите немедленно! Помогите, убивают!

Несмотря на такие истерические вопли, девушка вовсе не была беспомощна: она пнула охранника под колено, извернулась и умудрилась укусить его за запястье.

Один из охранников наклонился, чтобы подхватить рыжего песика, который метался под ногами, увеличивая суету, второй спешил на помощь тому, который боролся с ловкой девицей.

Бритоголовый мужчина в растерянности стоял посреди тротуара. У него было такое чувство, будто он посреди спектакля начисто забыл текст роли.

В это время рядом с ним поднялась крышка люка. Из-под нее высунулась голова в черной вязаной шапочке-балаклаве с прорезями для глаз и рука в перчатке, сжимающая пистолет

с привинченным к нему глушителем. Раздался негромкий хлопок, будто из винной бутылки выдернули пробку, голова в балаклаве исчезла в люке, и крышка встала на прежнее место.

Бритоголовый человек удивленно дотронулся до пальто на груди, взглянул на свои пальцы, испачканные красным. Он хотел что-то сказать, но вдруг осознал, что не может ни вдохнуть, ни выдохнуть. В следующую секунду в глазах у него потемнело, колени подогнулись, и он рухнул на тротуар.

Охранники, возившиеся со скандальной девицей и ее непослушным песиком, удивленно оглянулись. Один из них бросился к лежащему на земле человеку, опустился на колени, дотронулся до шеи, чтобы проверить пульс.

Не найдя пульса, он проговорил в гарнитуру:

– Альфа, Альфа, говорит Гамма! У нас ситуация три-ноль. Вы меня поняли? Три-ноль! Второй убит!

В это самое время к задней двери бизнес-центра подъехал большой черный внедорожник. Он остановился, двери распахнулись, и из внедорожника выскочили три охранника. Они окружили машину, и только тогда из нее вышел рослый бритоголовый человек средних лет, очень похожий на того, который сейчас лежал на тротуаре, не подавая признаков жизни.

Правда, было в нем и кое-что, что отличало его от двойника: в его фигуре, во всем его облике было что-то подлинное. Подлинная властность, подлинная безжалостность.

Опустив голову, бритоголовый быстро прошел к бизнес-центру и скрылся за дверью.

Там его уже поджидал начальник охраны.

– Шеф, – проговорил он озабоченно, – того актера, который ехал в вашем «Мерседесе», только что убили. Так что то анонимное предупреждение оказалось верным. Я бы советовал вам в ближайшее время сократить свои контакты до минимума...

– Это именно то, чего они добиваются! – прошипел бритоголовый. – Кто бы они ни были. И я не буду играть по их нотам. Я не могу бросить все свои дела, не могу отказаться от важных сделок!

– Но не можем же мы каждый раз нанимать двойника! Где мы столько найдем?

– Найдешь, если понадобится! За что я тебе плачу?

– Но мы не нашли в актерской базе больше ни одного подходящего... никого, кто был бы похож на вас...

– Значит, плохо искали. Скажи лучше – твои люди взяли киллера?

– Нет, к сожалению, ему удалось уйти...

– Это твой прокол! Твой и твоих людей! За что вообще я плачу вам деньги?

– Киллеру удалось уйти, но мы взяли его сообщницу!

– Ну, так поработай с ней! Сделай хоть что-нибудь полезное! – Бритоголовый развернулся и направился к лифту.

– Стойте, шеф! – Охранник бросился ему наперерез. – Не пользуйтесь лифтом, там может быть ловушка!

– Черт бы тебя побрал! – Бритоголовый направился к лестнице, охранник поспешил за ним.

– Да кто вы, черт возьми, такие? – возмущенно повторяла девица в кожаном плаще. – Вы не из полиции, это ясно... так кто вы такие и что вам от меня нужно? Немедленно дайте мне телефон, я должна кое-кому позвонить!

Мужчина, сидевший по другую сторону стола, поморщился:

– Вы же сами сказали, что мы не из полиции. Так что не нужно качать права! Никакого телефона я вам не дам и никому звонить не позволю. Вы не в американском сериале.

– Вы делаете большую ошибку! Вы не знаете, кто мой друг. Если он узнает, как вы со мной обращаетесь...

– Не нужно меня пугать. Это вам не поможет. Лучше ответьте на мои вопросы – и тогда мы вас, может быть, отпустим!

– Может быть? – переспросила его девица. – А может, и нет? Что вы со мной сделаете? Убьете?

– Это зависит от вас. Если вы честно ответите, что там делали...

– Да я вам сто раз уже отвечала – я хотела встретиться со своим другом! Он назначил мне там встречу...

– С другом? Как его зовут? Кто он такой?

– Его зовут Рудик...

– Рудик? А дальше?

– Я вам что – отдел кадров? Я с ним познакомилась только вчера, что же я, паспорт его должна проверять?

– Только вчера? И сегодня приехали к нему на встречу?

– А что такого? Я свободная женщина в свободной стране и имею право...

– Хватит уже про права! Ты что – не понимаешь? Мы можем пришить тебе соучастие в убийстве! Ты отвлекла охрану, и из-за тебя убили человека!

– Да ни в чем я не виновата! Говорю вам – я шла на встречу с другом...

– Так, ладно. Как он выглядит?

– Кто?

– Ну, этот твой друг, Рудик.

– Как выглядит? Да обыкновенно выглядит. Симпатичный, одет хорошо...

– Симпатичный... с ума с тобой сойдешь! Высокий или низкий? Толстый или худой? Светлые волосы или темные?

– Я же сказала – симпатичный!

– С ума с тобой сойдешь! – повторил охранник в сердцах.

Бритоголовый человек с властным выражением лица набрал номер на мобильном телефоне. Услышав ответ, он проговорил, не размениваясь на приветствия и вежливые обращения:

– Вы гарантируете ее надежность?

– Прежний владелец дожил до восьмидесяти пяти лет. А у него была очень трудная жизнь.

– Хорошо. Я согласен.

– В каких пределах?

– Деньги не проблема. Мне нужно только, чтобы вы обеспечили полную конфиденциальность.

– Кроме нас с вами, обо всем будет знать только исполнитель. Но он – настоящий профессионал.

– Если тайну знают двое, ее знают все. А если трое... Впрочем, об исполнителе я могу позаботиться.

– Я предпочел бы об этом ничего не знать.

– А вам и не нужно.

– Бред какой-то... – Костик снял очки, протер их, снова нацепил на нос и уставился на рабочий стол. – Неужели ты веришь во всю эту средневековую галиматью?

– Неважно, во что верю я, – проворчала Марина, – неважно, во что веришь ты. Важно, во что верит Артур Васильевич. Потому что его вера превращается в деньги и успешные проекты.

– Ну, и что теперь делать с этим допотопным металлоломом? – Костик ткнул пальцем в громоздкий металлический предмет, лежащий на рабочем столе.

Это была конструкция из железной перчатки с раструбом и несколькими ремнями для крепления к предплечью. Перчатка была изготовлена очень искусно – на пальцах были даже едва заметные морщины, словно это не перчатка, а живая человеческая рука.

– Продолжать работать по плану, – отрезала Марина. – Что у нас там? Облучение рентгеновскими лучами?

– Ясно же, что из этого ничего не выйдет. Откуда у них в шестнадцатом веке мог взяться источник жесткого рентгеновского излучения?

– Я тебе еще раз говорю – делаем то, что велел Артур Васильевич! Он – наш научный руководитель, ему виднее...

– А мы что – дрессированные собачки? Артур говорит – ап! – и мы прыгаем? Не задумываясь о том, имеет это смысл или нет?

– Ты же знаешь – нам эту руку привезли из Германии всего на месяц, значит, за этот месяц мы должны выжать из нее все, что можно... и все, что нельзя.

– Не больно-то много у нас получилось! И не получится ничего! Все эти рассказы о железной руке – не более чем легенды...

– Хватит уже болтать! Время дорого! Переходим к следующей фазе эксперимента!

Костик тяжело вздохнул, поднял тяжеленную железную руку, положил ее в отделанный защитными свинцовыми пластинами шкаф, захлопнул дверцу.

– Давай четверть мощности...

Костик повернул рукоятку на внешней панели рентгеновской камеры. Из шкафа донеслось ровное гудение.

Марина взглянула на показатели приборов, постучала по клавиатуре компьютера, вводя в его память параметры эксперимента, выждала две минуты.

– Теперь половину максимальной мощности...

Гудение стало немного громче.

– Между прочим, у меня есть пара билетов на концерт Маламута... – проговорил Костик задумчиво.

– Это что – собака такая? – отозвалась Марина невинным тоном. – Канадская лайка?

– Да ты что! Это рэпер знаменитый! Да ты прикалываешься, что ли? Его все знают!

– Ну и что? – фыркнула Марина. – К чему ты это говоришь? Допустим, и я знаю.

– К тому, что если у тебя вечером нет других планов... если ты ничем не занята...

– У меня как раз есть другие планы! Давай уже включай на максимум...

Костик насупился, покосился на Марину, резко повернул рукоятку. Из камеры донесся резкий свист.

– Ты что, я сказала – на максимум, а у тебя все цифры зашкалили! Сломаешь прибор!

– Извини, отвлекся... – Костик повернул рукоятку влево, свист стих, но зато из камеры донесся какой-то странный скрежет.

– Что это там? – Марина привстала из-за стола.

– Черт его знает...

Костик надел толстые резиновые перчатки, открыл камеру, вытащил из нее железную руку.

– Ну, все как было... никаких видимых изменений... хотя постой... тебе не кажется, что эти два пальца были в другом положении? Они были согнуты, а сейчас распрямились...

– Что – серьезно?

– Да нет, шучу, шучу!

– Ладно, так и запишем – никаких видимых изменений... результат отрицательный...

– Да слышал уже: отсутствие результата – это тоже результат! Любимая фраза шефа!

– Совершенно верно... ладно, на сегодня мы всё закончили, так что можешь отправляться к своему Маламуту... только сперва убери объект. В сейф, как положено.

– Насчет концерта не передумала?

– Не передумала.

Костик тяжело вздохнул, поднял железную руку, отнес ее в сейф, захлопнул дверцу.

– Тебя подождать?

– Не надо!

Обиженный, Костик ушел.

Марина немного подождала, к чему-то прислушиваясь, затем сняла белый халат, собрала вещи, но прежде чем поставить комнату на сигнализацию, выключила свет в лаборатории, снова включила и выключила – на этот раз окончательно.

И тут наверху, над подвесным потолком, послышался шорох, затем негромкий скрежет. Квадратная потолочная плитка сдвинулась, из-за нее выскользнула гибкая фигура в черном облегающем костюме и черной трикотажной маске с прорезями для глаз, ловко спрыгнула на рабочий стол, а с него – на пол.

– Тебя никто не видел? – вполголоса спросила Марина.

– Никто, – тихо ответил незнакомец в черном, – давай уже открывай... время дорого...

Марина подошла к сейфу, набрала на табло секретный код, открыла дверцу.

Человек в черном беззвучно подошел к ней, достал из сейфа железную руку, положил ее в холщовую наплечную сумку, повернулся к Марине.

– Остальные деньги тебе переведут утром. А сейчас – ты помнишь, что мы должны сделать?

– Помню, помню! – Марина тяжело вздохнула. – Ничего не поделаешь. Бей, чтобы меня не заподозрили... только прошу тебя – чтобы на лице не осталось следов!

Она встала перед черным человеком, опустив руки по швам, закрыла глаза.

– Бей!

– Одну секунду... – Человек в черном неуловимо быстрым движением достал из сумки пистолет с навинченным глушителем, вскинул его, направив ствол на грудь Марины.

В последний момент Марина, что-то заподозрив, открыла глаза. В них вспыхнул ужас.

– Что... – начала она, но тут же раздался негромкий хлопок, колени девушки подогнулись, и она упала на пол.

– Ты просила, чтобы на лице не осталось никаких следов, – произнес черный человек, убирая пистолет в сумку. – Их и не останется...

Он вышел на середину лаборатории, вскочил на стол.

В это время из его сумки донесся какой-то странный скрежет. Черный человек покосился на сумку, но звук не повторился. Он подпрыгнул, втянулся в квадратное отверстие и исчез за подвесным потолком. Квадратная плитка встала на прежнее место, и в лаборатории наступила тишина.

Долговязый парень с растрепанными светлыми волосами строго взглянул на своего собеседника и проговорил:

– Я вас прошу, Артур Васильевич – возьмите себя в руки и начните с самого начала! И не мелькайте передо мной – вы мешаєте мне сосредоточиться!

– Я постараюсь... – Мужчина средних лет с длинным лицом и густыми темными бровями остановился, провел ладонью по лицу, словно стирая с него волнение и растерянность, сжал кулаки, опустился на стул, снова оглядел лабораторию.

Труп уже увезли, но на полу был обведен мелом его контур. Открытый сейф зиял, как пасть огромного зверя.

– Простите, я не запомнил ваше имя...

– Капитан Нехорошев, – строго ответил блондин.

– А имя-отчество?

- Александр Степанович.
- Так вот, Александр Степанович, нам необходимо, просто необходимо вернуть пропажу!
- У вас человека убили, девушку, а вас больше волнует какой-то механизм?
- Это не какой-то механизм! Это ценнейший артефакт! – Артур Васильевич воздел руки к потолку, и тут же лицо его перекошилось. – Я понимаю, Марина погибла, это ужасно, но с этим уже ничего не поделаешь...
- Мы должны найти и задержать убийцу! Это – наша первоочередная задача!
- Да, само собой, само собой... но для меня... для нас важнее всего найти пропавший предмет... пропавший артефакт... вы не представляете, как это важно!
- Ну так объясните мне!
- Это долгая история...
- А вы постарайтесь изложить ее покороче! – Капитан положил перед собой диктофон, включил запись. – Итак, что это за механизм и почему он так важен?
- Это не механизм! – Артур Васильевич поморщился. – Это легендарная рука Гёца фон Берлихингена...
- Повторите, пожалуйста, фамилию этого гражданина, я проверю ее по нашей базе...
- Гёц фон Берлихинген! – отчетливо произнес Артур Васильевич. – Гёц – это уменьшительное от имени Готфрид.
- Иностранец? – На этот раз капитан нахмурился. – Придется подключить базы Интерпола...
- Вряд ли вы его там найдете.
- Это почему же?
- Потому что он давно умер.
- Ну, у них базы включают всех, кто проходил по уголовным делам, начиная с середины двадцатого века...
- Он вряд ли проходил по уголовным делам и умер гораздо раньше. В шестнадцатом веке.
- Вот как? – Капитан удивленно захлопал глазами. Он решил больше не перебивать собеседника и выслушать все, что тот расскажет, а потом уже разобраться по записи, что к чему.
- Да, он был имперским рыцарем, участвовал в десятке войн и еще в молодости лишился правой руки. Как вы понимаете, без правой руки воевать несподручно, а ничего другого он делать не умел. И не хотел переучиваться. И вот один очень искусный оружейник изготовил для него эту самую железную руку...
- Протез? – догадался капитан.
- Больше чем протез. Готфрид фон Берлихинген при помощи своей железной руки мог не только сражаться, он мог править конем и даже писать письма.
- Ничего себе! – Капитан присвистнул. – Вот почему эта рука заинтересовала вашу клинику!
- Перед тем как пройти на место преступления, он прочел над входом название – «Клиника активного протезирования».
- Совершенно верно. Даже в наше время создание такого удивительного протеза представляет большую проблему, что же говорить о шестнадцатом веке? Но дело в том, что об этой руке ходили самые удивительные легенды. Говорили, что рука живет своей собственной жизнью, что раз в месяц по ночам она покидает своего хозяина и где-то пропадает всю ночь, а утром на ней можно увидеть пятна крови. А где-нибудь неподалеку находят труп со следами удушения или с кровавыми ранами...
- Мистика какая-то! – Капитан невольно вздрогнул. – Средневековье...
- Да, в это трудно поверить. Но вот в архиве города Лейдена есть такая запись, относящаяся к шестнадцатому веку. Тогда в этот город по своим делам прибыл рыцарь Готфрид фон

Берлихинген. На третий день своего пребывания в Лейдене он крепко выпил в одном трактире, а когда проснулся, при нем не было железной руки.

Рыцарь обратился к городским властям с просьбой найти пропажу, обещал за нее вознаграждение десять рейхсталеров – очень большие по тем временам деньги. Однако несколько дней поиски ничего не давали. И только через неделю прохожие слышали доносящиеся из маленького домика крики и страшный грохот. Домик этот пользовался дурной славой – говорили, что в нем живут скупщики краденого.

Соседи вызвали городских стражников, но когда те подоспели, шум затих. Тем не менее стражники вышибли дверь, ворвались в дом и нашли там мертвых хозяев, мужа и жену. Хозяйка была мертва, они были жестоко задушены, а на столе перед ними лежала железная рука рыцаря фон Берлихингена.

– Жуткая история! – признал полицейский. – Но неужели вы в нее верите?

– Во всяком случае, в нее верил тот служащий лейденской магистратуры, который записал ее со слов свидетелей.

– И что, вы хотите сказать, что эта железная рука сохранилась до наших дней?

– Именно! После смерти хозяина железную руку не похоронили с ним, она осталась в шкатулке, доставшейся его наследникам, и со временем попала в музей города Байрейта. Рука Гёца фон Берлихингена – одна из главных достопримечательностей этого города и даже изображена на городском гербе...

– Это в Германии?

– Совершенно верно. И недавно мне удалось договориться с руководством городского музея, чтобы железную руку передали на некоторое время в нашу клинику для изучения. Я надеялся раскрыть секрет ее устройства и, возможно, использовать его для изготовления универсальных протезов... Это могло бы стать новым словом в протезировании, помочь тысячам людей...

– И как – раскрыли секрет?

– Мы еще не закончили работу, а тут... это... – Артур Васильевич горестно вздохнул и показал на раскрытый сейф. – Это ужасно... это невосполнимая потеря...

– Но она, эта рука, наверное, была застрахована? Немцы в таких делах очень аккуратны.

– Само собой, но страховка решает только финансовые вопросы, а ими все далеко не исчерпывается! Рука была уникальна, ее тайны все еще не раскрыты... Кроме того, из-за этого могут возникнуть международные проблемы...

– Ну, вы пока не отчаивайтесь, мы постараемся ее найти. Раз уж это так важно. И вы должны нам в этом помочь. В конце концов, это в ваших интересах...

– Разумеется! Мы поможем вам всем, чем сможем! Всем, что в наших силах!

Артур Васильевич прижал руки к сердцу, но в голосе его не было искренности. Капитан Нехорошев со своей стороны тоже подумал, что дело это мутное, поскольку замешано тут какое-то Средневековье. Эта железная рука дорогущая, но там пускай страховщики беспокоятся. А его дело – найти убийцу сотрудницы клиники. Но вряд ли получится, потому как действовал явно профессионал, следов никаких не оставил.

Так что пускай этот хмырь не гонит ему эту фигню историческую. Ни в какую мистику капитан Нехорошев не верил.

– Вперед, каналы! – рявкнул молодой рыцарь и первым ринулся в пролом крепостной стены.

Рейтары побежали за ним, оступаясь на мокрых от крови камнях. Они разевали рты, как выброшенные на берег рыбы, – должно быть, орали, выкрикивали ругательства и призывали святых, но в грохоте канонады слова были не слышны.

Один из рейтаров споткнулся и остановился, ошалело озираясь, вскинув руку с палашиом.

– Что стоишь, каналья? – рявкнул на него рыцарь и только тогда увидел, что другая рука рейтара по самое плечо оторвана пролетевающим ядром.

Отвлекаться нельзя... вперед, вперед!

Молодой рыцарь заметил впереди коренастого датского ландскнехта с аркебузой, взмахнул мечом и увидел, как голова ландскнехта покатила к нему под ноги.

И в этот самый миг слева, как черт из табакерки выскочил еще один здоровенный датчанин в помятом шлеме с перьями. В руках у него был огромный топор, он занес этот топор над головой и крикнул, как дровосек...

Топор со свистом рассекал воздух, опускаясь на голову молодого рыцаря. Время словно уплотнилось, утрамбовалось, свелось в одну точку. В голове промелькнули картины прошлого – детство в отцовском замке, испуганное лицо той крестьянской девки, которую он встретил в лесу под Веймаром...

Рыцарь метнулся в сторону, и топор просвистел мимо головы, задев только руку. И в тот же миг чья-то стрела вонзилась в грудь дитины с топором...

И на рыцаря обрушилась темнота.

– Гёц! – прозвучал где-то совсем рядом удивительно знакомый голос. – Гёц, старая скотина, ты не посмеешь умереть, не протривившись со своим другом!

Рыцарь застонал и открыл глаза.

Рядом сидел широкоплечий человек в кольчужной рубахе, лицо его расплывалось.

Рыцарь пару раз моргнул – и расплывшееся лицо проступило четче, став лицом старого друга Конрада фон Бейринга.

– Выходит, я жив? – прохрипел рыцарь. – Выходит, я еще на этом свете?

– Жив, жив! – уверил его Конрад. – Тебя не так легко убить, старый мошенник!

– И мы победили?

– Можешь не сомневаться! Мы с тобой не можем не победить! Бейринг и Берлихинген – непобедимы!

– А мне уж показалось, что пришел конец. Тот датский осел с топором чуть не отчекрыжил мне голову...

– Как видишь, голова уцелела! Он малость промахнулся, но руку тебе отрубил-таки...

– Что? – Гёц приподнялся, взглянул на свою правую руку и увидел моток кровавых тряпок.

И теперь почувствовал просыпающуюся боль. Боль, постепенно захлестывающую его.

– Что за черт? – выдохнул он. – Он отрубил мне правую руку? Только не это! Лучше бы он зарубил меня насмерть! Какой же я рыцарь без правой руки?

– Не переживай, старый дружище! – утешал его Конрад. – Помнишь Вольфа Стауница? Он отлично сражался левой рукой, участвовал во многих битвах!..

– Да, но Вольф от рожденья был левшой!

– Не переживай, что-нибудь придумаем! Главное, что ты жив и мы победили!

– Пойдем, я тебе кое-что покажу! – Оксана придвинулась ближе и взяла Арину за руку.

Арина слегка поморщилась, потому что запах духов стал нестерпимым. Не то чтобы этот аромат ей не нравился, просто его было слишком много. Оксаны вообще было слишком много, просто удивительно, как такая, в общем, сублинная женщина могла заполнять собой все окружающее пространство.

Она вся была такая яркая, шумная, энергичная. Голос звучный, не резкий, не визгливый, но чуть громче, чем нужно. Кроме голоса, шум создавали серьги и одежда. На Оксане сегодня были кожаные брюки, которые слегка поскрипывали при ходьбе, и длинная блуза из плотного

шелка, на которой золотом были вышиты драконы. Серьги представляли собой серебряные рыцарские щиты, и даже гербы были на них выгравированы.

Всем присутствующим было известно, что Оксана ничего не делает просто так, ее наряд и весь внешний вид обычно тщательно продуман. Арина иногда задавалась вопросом, а может быть, и эта яркость, и слишком громкий голос, и слишком вызывающий макияж – это все часть имиджа, а на самом деле Оксана совсем другая.

Но этот вопрос Арина задавала себе крайне редко. Оксана была владелицей художественной галереи и считала, что некоторая богемность в облике ей не повредит.

Они с Ариной вовсе не были подругами, просто ее очень хорошо принимали в галереях, как жену богатого человека. Среди галерейщиков известно было, что она интересуется искусством и неплохо разбирается в нем. И хотя Арина редко что-то покупала, ей все равно постоянно присылали приглашения. Муж никогда с ней не ходил, но ничего не запрещал.

К ним подошел немолодой крупный мужчина с окладистой бородой. Рядом с ним даже Оксаны казалось меньше, чем обычно. Он наклонился к ее уху и загудел, как недовольный шмель.

– Не волнуйся, Боренька, все будет хорошо! – Оксана ловко вывернулась и потянула Арину за руку. – Я скоро вернусь! Никуда не уходи!..

– Это Лебединский, работает по серебру! – Оксана кивнула на витрину, где были выставлены кубки и вазы. – Потом посмотришь, может, что подберешь. Не стала вас знакомить, потому что он как вцепится, заговорит до смерти! – Оксана подняла к потолку глаза, сильно подведенные стрелками.

Они перешли в следующий зал, там народу было поменьше, и Оксана подвела Арину к картине.

Картина была небольшая, в простой самодельной раме. На картине изображен рыцарь на коне. Конь был черный, как безлунная ночь, такая масть, Арина знала, называется «вороной». Рыцарь сидел в седле в полных доспехах и в шлеме с поднятым забралом. Чувствовалось, что рыцарь едет давно и очень устал. Лицо его было худым и изможденным, длинные светлые волосы торчали из-под шлема неровными прядями.

А сзади, чуть в стороне, по пятам за рыцарем на коне ехал еще один всадник. Не простой всадник – скелет с косою. И конь под ним – не конь, а лошадиный скелет с едва сохранившимися остатками истлевшей плоти. Откуда-то всплыли слова – всадник на бледном коне, имя которому смерть...

Черные провалы глазниц были направлены, казалось, прямо на Арину, прямо в ее душу.

Арина отступила на несколько шагов и посмотрела на картину с другой стороны. Отсюда было видно, что рыцарь очень напряжен. Лево́й рукой он с трудом удерживал поводья коня, правой схватился за рукоять меча. Видно было, что конь хрипит и косится назад безумным глазом – смерть чувствует. А скелет ухмыляется в предвкушении.

Он уверен, что всадник никуда от него не денется.

– Впечатляет? – лукаво спросила Оксана. – Я знала, что тебе понравится. А вот и автор. Поговаривают, что картина – автопортрет, но сам он не подтверждает...

Арина повернулась и увидела художника. Высокий, очень худой, длинные светлые волосы собраны сзади в конский хвост. Руки с длинными чуткими пальцами, под ногтями застарелая краска. Ну, это у них профессиональное.

Арина снова посмотрела на картину, потом перевела взгляд на художника. Ну, вряд ли автопортрет, рыцарь на картине выглядит гораздо старше и много пережившим.

– Не похож? – улыбнулся художник. – Правильно видите. Это и не я совсем...

От его ускользящей улыбки, от взгляда, брошенного чуть искоса, повеяло на Арину чем-то таким знакомым, казалось, давно забытым, что она невольно вздрогнула.

– Это Арина, я тебе говорила о ней, – сказала Оксана, – а это – Антон Добролюбов, наше новое открытие. Тут несколько его картин, но, возможно, скоро будет и персональная выставка. Антон работает в жанре неоклассицизма, критики обратили на него внимание и прочат ему большое будущее...

Арина машинально протянула руку, и художник легко ее пожал. Точнее, не пожал, а только коснулся почтительно, словно это не рука, а хрупкая фарфоровая безделушка.

И ее тут же пронзило воспоминание. Точно так же коснулся ее давно-давно, много лет назад, один парень. У него не было никакого почтения к ней – жалкой серой мышке, он просто передавал ей что-то за общим столом: не то соль, не то сахар. А у нее от его прикосновения было такое чувство, что ее ударило током.

Она даже вздрогнула и выронила солонку. И тогда он обратил на нее внимание, просто посмотрел внимательно. А она даже не смогла поймать его взгляд, до того стеснялась.

Арина очнулась от воспоминаний и заметила в глазах художника искорку недоумения.

– Мне нужно к гостям! – засуетилась Оксана. – Антон, покажи Арине другие свои работы!

И упорхнула. Вот именно, когда нужно, она умела ходить быстро и бесшумно, только об этом знали далеко не все. Уже в дверях Оксана обернулась, поймала взгляд Антона и подмигнула ему – не стесняйся, мол, будь понастойчивее. Авось богатая дама и купит что-нибудь твое! А там и другие за ней потянутся. У богатых свои причуды – если одна купила, то и другим нужно.

Парень, несомненно, способный, работы интересные, но он совершенно нераскрученный. А в мире современного искусства раскрутка – это все.

Арина не заметила переглядываний, она использовала эти несколько секунд для того, чтобы успокоиться, взять себя в руки.

Что это с ней? Неужели так подействовал на нее вид этого мальчишки-художника? Хотя, если внимательно приглядеться, то он вовсе не так молод, пожалуй, они ровесники, а ей уже... ну да, тридцать три. Возраст Иисуса Христа.

Арина едва заметно усмехнулась. Художник понял эту усмешку так, что богатая дама видит его насквозь. Он-де готов перед ней унижаться, только чтобы купила картину.

– Если вам не нравится – так и скажите! – В последний момент он умудрился убрать из голоса агрессивные нотки.

– Ну почему же, мне нравится... – протянула Арина, – давайте посмотрим остальные картины.

Собственно говоря, та, первая, была лучше всех. Оксана свое дело знала, всегда показывала товар лицом.

Арина из вежливости сказала пару дежурных комплиментов и вернулась к первой картине. Разумеется, она не собирается ее покупать. Муж, конечно, ничего не скажет, тем более что можно поторговаться с Оксаной и выйдет не так уж дорого, она сама сказала, что художник малоизвестный. Но вот куда ее повесить?

Арина еще раз внимательно поглядела на картину.

Все же что-то в этом есть – лошадь, косящая безумным от страха глазом, рука рыцаря, сжимающая поводья, даже под доспехами видно, как напряжены мускулы... И еще... в рыцаре совсем нет страха. Это лошадь боится, чувствуя неминуемую смерть за спиной, а рыцарь – нет, он знает, кто его преследует, и нет в нем обреченности, он будет сражаться со смертью до последнего вдоха, и вполне возможно, что ее победит. Во всяком случае, он на это надеется.

– Как вы правы! – Художник смотрел на нее с изумлением, наверное, не ожидал от богатой дамы такой проницательности.

И Арина со стыдом поняла, что проговорила свои мысли вслух.

Надо же, на нее редко находила такая несдержанность! Обычно она тщательно контролировала не только свои поступки, но и мысли. Это уже вошло в привычку.

– Вы все верно угадали, – он улыбнулся и тут же поправился, – точнее, не угадали, а увидели. Это ценное качество – видеть. Далеко не каждому оно дано.

Арина хотела сказать, что она – дипломированный искусствовед, но промолчала. Небось Оксана ему и так рассказала. И от его чуть рассеянной улыбки ее снова пронзило воспоминание.

Вот также улыбался тот самый парень лет... Ну да, ей было тогда восемнадцать, стало быть, прошло пятнадцать лет. А она, незаметная среди шумных и бойких девчонок, смотрела на него из дальнего угла. Смотрела исподтишка, потому что ужасно боялась насмешек. Он улыбался не ей, на нее он смотрел всегда с легким презрением. Но это потом, когда заметил. А тогда...

В зал вошла шумная компания молодых художников, кто-то нечаянно толкнул Арину, протискиваясь мимо, она покачнулась и выронила проспект выставки.

– Простите! – обернулся мужчина, но Антон уже наклонился и поднял проспект и, отдавая его Арине, коснулся ее руки.

И от этого прикосновения у нее снова было такое чувство, будто ее дернуло током, она даже закусила губу, чтобы не вскрикнуть. Боль в прикушенной губе немного ее отрезвила.

– Спасибо... – Голос ее сел, а в глазах появилось что-то такое, чему Антон Добролюбов не смог дать название. Потому что не знал, что на один только краткий миг богатая, уверенная в себе дама превратилась в восемнадцатилетнюю девчонку.

Алина взмахнула ресницами, и все прошло. Она мягко отняла свою руку и отступила, поскольку заметила, что они стоят недопустимо близко друг к другу.

– Что ж, – сказала она, дежурно улыбаясь.

– Простите мою навязчивость, – перебил ее Антон, – но не согласились бы вы выпить со мной кофе. Просто хочется поговорить в более спокойной, более комфортной обстановке, – заторопился он, видя, что Арина чуть нахмурилась.

«Не делай этого! – прозвучал в голове тревожный звонок. – Этот человек очень плохо на тебя действует, ни к чему продолжать это знакомство!»

Тут его окликнул кто-то из большого зала, Антон повернулся и ответил своей чуть рассеянной улыбкой. Улыбнулся не ей, и это решило дело. Снова пронзило ее воспоминание, от которого не так просто было избавиться.

– Хорошо, – сказала Арина, – только здесь, внизу. Я спущусь через десять минут.

Она прошла еще по большому залу, кивнув парочке знакомых. Оксанин голос слышался вдали. Арина оглядывала выставку, удерживая на лице скупающее выражение, чтобы никто не приставал с разговорами, и потихоньку дрейфовала к выходу.

– Шампанского не хотите? – послышался рядом с ней низкий, глубокий голос.

Оказалось, она остановилась возле стенда с работами того громадного человека с окладистой бородой, как же его назвала Оксана... ага, Лебединский... А зовут Борис.

У Арины всегда была хорошая память на имена и фамилии. Ну до чего же он огромен! Глаза Арины находились на уровне этой самой бороды, и вблизи видно было, что она чистая и аккуратно расчесанная, но все же не мешало бы ее подстричь. Да и гриву тоже.

– Так не хотите? – Бокал вина в его руке казался крошечной рюмочкой, из такой Аглая Михайловна пила какие-то пахучие капли. – Точно не хотите?

– Благодарю вас, я за рулем, – ответила Арина и, поскольку он не делал попытки пропустить ее, а обойти такую махину было невозможно, невольно вступила в разговор.

– Красивые у вас работы!

Это была чистая правда, ей нравились и высокие кубки, и ваза для фруктов, и большое блюдо. Они выглядели хоть и новыми, но несовременными.

– Ну еще бы! – Человек-гора горделиво усмехнулся. – Вот кубки по старинной технологии семнадцатого века.

– Неужели семнадцатого?

– Точно! Разрешите представиться! – спохватился он. – Серебряных дел мастер Борис Лебединский. Отчество не называю, все равно не выговорите.

– А все же? – улыбнулась Арина, человек-гора ей нравился, приятно было с ним поболтать.

– Отчество у меня самое купеческое – Акинфиевич, отца звали Акинфий. А деда – Тихон. Акинфий Тихонович папаша был, представляете? Прямо как в пьесе Островского! – Он засмеялся так громко, что перекрыл все разговоры.

– Да уж, – в ответ рассмеялась Арина, – пожалуй, действительно лучше без отчества. А я Арина, только не Родионовна. Знаете что, мне сейчас идти надо, но я подумаю и Оксане позвоню. Вот этот кубок мне определенно нравится.

– Да что там Оксана! – Он понизил голос и загудел как шмель. – Оксана, конечно, женщина самостоятельная, только работ моих на выставку мало взяла и сама выбирала. А вот вы приходите в мастерскую, там еще много всего есть! – И он протянул Арине визитную карточку, которая в его руках казалась почтовой маркой.

Кафе внизу было сверхскромным – несколько столиков, отгороженных ящиками с искусственными цветами. Подавали только кофе с печеньем, оттого народ не засиживался.

Арина опоздала, Антон уже ждал ее, и на лице его было написано разочарование, собиравшееся перейти в самую настоящую злость. Увидев ее, он улыбнулся явным усилием воли. Разумеется, это была совершенно не та улыбка, так что на Арину она не подействовала.

Здесь даже не было официантов, нужно было самим заказывать у стойки. Антон принес две чашки кофе, причем нес неаккуратно, так что кофе выплеснулся на блюдце, отчего Арину едва не передернуло. Ложки валялись прямо на подносе, который в смысле чистоты оставлял желать лучшего. Хорошо хоть, чашки не одноразовые, хотя неясно, как они тут всё моют, скорей всего, плохо.

Арина уже пожалела, что согласилась на кофе, тем более что напиток был отвратительный, она уже много лет такого не пила. Тем не менее она завела пустой разговор, стала спрашивать Антона, где он учился, давно ли начал писать, в каких выставках участвовал. Он рассказывал о себе скупно, скорей всего, просто не о чем было, Арина изредка вставляла рассеянные замечания.

Она спохватилась через двадцать минут. Что она вообще тут делает? Для чего согласилась прийти в эту забегаловку и сидит тут с совершенно незнакомым человеком?

– Мне пора, – она сказала это вежливо, но твердо, – мне очень понравились ваши картины, особенно одна, та, где рыцарь, я позвоню Оксане.

По его глазам было ясно, что он ей не поверил. Она рассердилась на себя за то, что допустила такую глупую и неловкую ситуацию, нужно было сразу отказаться от общения. Но она не смогла, потому что иногда он был ужасно похож на того парня, с которым судьба свела ее на горе пятнадцать лет назад.

Она вовсе не лелеяла эти воспоминания, напротив, она очень хотела избавиться от них, хотела все забыть. И вроде бы преуспела в этом. У нее вполне налаженная, спокойная, безбедная жизнь. И дальше все будет так же. Обязательно.

– Оксана обещала, что после этой выставки у нее будет моя, персональная, – сказал Антон, когда она уже встала и собралась уходить, – и... вы ведь придете? Я бы очень хотел вас видеть... правда, очень бы хотел...

И взял ее за руку и заглянул в глаза. И увидел в них смятение, и ее рука невольно вздрогнула в его руке, потому что она опять почувствовала удар током.

– Я приду... – голос снова предательски сел, и Арина поскорее отвернулась и вышла.

Антон залпом выпил свой остывший кофе и поморщился. И правда, ужасная гадость, настоящая бурда, немудрено, что она и не прикоснулась к своей чашке.

Арина села в свою машину и перевела дух. Ох, не в добрый час явилась она сюда на открытие выставки! Но неужели так повлияла на нее встреча с этим художником?

Какие глупости, подумаешь – похож на того. Да и не похож совсем, просто улыбка, и взгляд... как будто он видит в ней что-то, о чем она сама даже не подозревала.

Она больше не в силах была сопротивляться воспоминаниям. На нее надвигался страх – жуткий, всепоглощающий, сердце оказалось где-то у горла, было такое чувство, что оно застряло там и перекрыло воздух. Потому что дышать стало нечем.

Непослушными руками Арина открыла окно, и в салон хлынул холодный сырой воздух. Воздух, в котором отчетливо чувствовался горький, йодистый привкус моря.

Она нашла в бардачке маленькую бутылку минералки и выпила ее всю, не торопясь, маленькими глотками. Продышалась, и сердце наконец вернулось на место. Однако руки дрожали, хотя жуткий страх отодвинулся подальше.

Вот так-то. Никаких успокоительных средств. Ни таблеток, ни уколов, ни визитов к психоаналитику. Вот этого точно не нужно. Ни к чему хорошему это не приведет.

И теперь не поможет просто отбросить эти воспоминания, они не уйдут. Нужно отдаться им, как сдаются города на милость победителя – вот я, берите меня, делайте что хотите!

И воспоминания будут терзать ее душу, как голодные гиены терзают несчастную дичь своими кривыми железными зубами и наконец уберутся, насытившись.

Раньше так было часто, со временем она смогла сладить с собой. Вот уже несколько лет все было спокойно. И надо же было столкнуться с этим художником, чтоб его совсем...

Тогда, пятнадцать лет назад, она была летом в студенческом лагере где-то в области, кажется, за Лугой. Кажется, лагерь считался спортивным, во всяком случае, отчим утверждал, что так. Где-то он достал путевку по случаю совсем недорого.

Арина помнит, что не хотела ехать. Мать с отчимом собирались на море, она прекрасно провела бы время одна в городе. Читала бы, гуляла, ходила в кино. Но нет, отчим уперся, как так, говорил, оставить девчонку восемнадцати лет одну почти на месяц? Да мы по возвращении и квартиры своей на месте не найдем, понаведет тут компаний разных, устроит черт-те что!

Он никогда не стеснялся в выражениях. Хотя всегда преувеличивал, а то и откровенно врал, потому что Арина никогда за всю свою жизнь не давала повода к таким словам. Не бывали у нее шумные развеселые компании, подружки и то редко заходили, поскольку отчим такое не приветствовал.

И сама Арина редко куда-то ходила и возвращалась всегда не поздно.

«Живешь на мои деньги, – говорил отчим, – так будь добра, делай все, как я сказал».

Вообще эти слова – «я решил», «я сказал», «я велел», были в его лексиконе самыми главными.

Арина слышала их так часто, что выучила наизусть с малолетства. Отца она не помнила, мать говорила, что отца у нее не было.

– Как это? – спросила маленькая Арина, – откуда же я тогда взялась?

– Он нас бросил, – ответила мать, отвернувшись, и больше на эту тему они не говорили.

Она не помнила, как они жили с мамой вдвоем, отчим присутствовал в ее самых ранних детских воспоминаниях. Всегда недоволен, всегда сердит, всегда раздражен.

Арина только потом поняла, что она ему просто мешала. Тихая, некрасивая девочка, которая раздражала его своим присутствием, самим своим существованием, поскольку жена должна была волей-неволей уделять ей внимание, хотя и старалась делать это незаметно. Но ему казалось, что и того много, поэтому он вымещал свою злость на Арине.

Все это Арина поняла намного позже, когда повзрослела и полностью переменилась. А пока отчим сумел сделать так, что, от природы несмелая и небойкая, Арина превратилась в совершенно затюканную комплексами, малосимпатичную личность.

Сейчас у Арины нет детских фотографий, они остались у матери, да и вряд ли сохранились. Но она помнит некоторые снимки и сейчас видит взрослым опытным взглядом, что с ней все было вовсе не так плохо. Просто очень блеклое, бесцветное лицо, потому что отчим не разрешал пользоваться косметикой в школе. Он поставил себе целью поймать ее с поличным, он караулил ее у двери, чтобы она не успела прошмыгнуть в ванную, он устраивал жуткие скандалы, так что Арине просто хотелось тишины.

Когда в парикмахерской перед выпускным вечером ей сделали не только прическу, но и визаж, причем довольно скромный, почти незаметный, отчим обругал ее неприличным словом, но тут вмешалась мама. Кажется, впервые она встала на сторону дочери, крикнула, чтобы он не портил ей праздник.

Отчим обиделся и не пошел на выпускной, чему Арина была только рада.

В институт она поступила технический, отчим выбрал тот, где когда-то учился сам. Она вообще училась хорошо, успевала по всем предметам, но хотелось изучать языки и вообще что-то гуманитарное. Отчим еще в школе заявил, что денег ей на репетиторов у него нет, а если бы и были, то ни за что бы не дал. Ему в свое время никто не помогал, а вот выучился и стал человеком.

Насчет денег была правда, отчим денег зарабатывал мало. Что же касается человечности, то отчим обманывал себя. Вспоминая, как отчим вел себя с ней, маленькой девчонкой, за которую некому было заступиться, Арина знает, что человеком он был никудышным.

Таким образом, в институте появилось совершенно затюканное существо с затравленным выражением в глазах. Глаза-то были красивые – сине-серые, большие, когда Арина улыбалась, они сияли, однако улыбалась она очень редко, никто из студентов этой улыбки не видел. Да никто и не присматривался.

Так прошел первый курс, Арина ни с кем не подружилась, после летних экзаменов все разъехались, а в августе отчим достал путевку в студенческий лагерь.

Лагерь был так себе, бытовые условия оставляли желать лучшего. Располагался он далеко от основного шоссе. Когда-то давно там был пионерлагерь большого завода. Завод был богатый, денег не жалел, так что корпуса были каменные, внушительные, со временем со стенами ничего не сделалось, хоть лагерь и стоял заброшенный лет десять после перестройки.

А потом кто-то выкупил у завода большой участок, как видно, собираясь строить элитную базу отдыха. Но не то кончились деньги, не то возникли серьезные проблемы с местной администрацией, так или иначе, корпуса подлатали, очистили территорию и поселили летом нетребовательных студентов. Эти пешком от шоссе дойдут, капризничать не станут.

Как уже говорилось, от шоссе к лагерю вела грунтовая дорога, которая со временем совершенно испортилась, так что проехать по ней могли только продуктовая «газель» и джип директора лагеря, да и то тот являлся на работу далеко не каждый день.

Столовая располагалась в приземистом дощатом бараке, кормили невкусно – жидкий супчик, котлеты без мяса, по утрам всегда каша, причем исключительно без молока. Туалеты в корпусах кое-как работали, но душевая находилась во дворе – щелястая деревянная будка, и вода вечно холодная.

Но студенты, как уже говорилось, люди некапризные, тем более что все искупалось природой. Лагерь стоял в очень красивом месте, на берегу озера, километрах в полутора была деревня под названием Залесье. Зимой деревня тихо умирала, две трети домов стояли пустые, однако летом наблюдалось там некоторое оживление, люди приезжали из города, привлеченные красивыми местами – лес, полный грибов, озеро, полное рыбы.

Этот август был жаркий, так что вода в озере не остывала ночами. Алина настроилась тихо прожить три недели, ни с кем не вступая в контакт, тем более что девчонки в комнате попались все какие-то несимпатичные, сразу выказали ей свое отношение. Она не навязывалась, привыкла уже, что ее избегают.

С первого дня начал отравлять жизнь физрук – здоровенный громкоголосый дядька. Теперь-то Арина понимает, что есть люди (и их много), которым доставляет удовольствие обижать слабых и беззащитных, и если дать им отпор сразу же, то они отстанут или переключатся на другого.

Она так сделать не смогла, так что на спортивных занятиях он костерил ее так громко, что было слышно в соседней деревне.

Разумеется, заступаться за нее никто не собирался, все только хихикали, поскольку физрук изощрялся как мог. Шутки его были как у старшины-сверхсрочника.

Жаловаться было некому, не маме же звонить. Она тут же разболтала бы все отчиму, и по приезду он устроил бы грандиозный скандал. Для нее, дескать, все делается, путевку купили, от себя оторвали, а она... Дальше пошли бы эпитеты, самым приличным из которых был бы «свинья неблагодарная».

И на пятый день, когда она тихонько отмечала в календарике, сколько дней еще ей осталось, в столовой ее попросили передать соль, и ее руки коснулся он. Андрей Леденцов, самый красивый парень в студенческом лагере.

Разумеется, она видела его раньше, и девчонки в комнате обсуждали его вечерами. Ленка Гусева училась с ним в одном институте и кое-что про него знала. Или делала вид, что знает. Он весь из себя такой загадочный, у него влиятельные родители, в институте держится наособицу, на всех смотрит свысока. Но хорош необыкновенно, ее подружка за ним бегала, но не обломилось.

Последние слова Ленка сказала таким голосом, что всем стало ясно – не было никакой подружки, это сама Ленка за ним бегала, это ее он бортанул.

«В общем, – закончила Ленка, – не стоит на него время тратить, слишком уж высоко себя ставит».

Девчонки сочувственно хмыкнули, Арина, как всегда, промолчала.

В столовой от его прикосновения ее пронзила дрожь, как когда-то в детстве, когда дернуло током от неисправной настольной лампы. Она подняла глаза и тут же опустила их, но он все понял. Наверняка знал, как он действует на девушек. Но тут ему попался совершенно беспроницаемый вариант.

Тем же вечером он подошел к ней на импровизированной площадке, где студенты устраивали танцы. Арина стояла чуть поодаль, в тени. Весь день было жарко, так что в комнате невозможно было находиться, она просто вышла подышать.

– Погуляем? – спросил он и взял ее за руку.

И снова ее пронзило током, и она готова была идти за ним куда угодно, хоть на край света.

Не понадобилось идти так далеко, они пошли по тропинке, что вела к деревне. Несмотря на жаркий август, тропинка была сыроватая, потому что с левой стороны располагалось большое болото, осенью местные ходили туда за клюквой, а летом оттуда летели комары в ужасающем количестве.

Арина не замечала укусов комаров, она шла за ним как во сне. Идти было с километр, но ей показалось, что шли всего несколько минут. У нее вообще куда-то пропало чувство времени.

Он не свернул к деревне, а полез наверх, на крутой обрыв, что был с одной стороны озера. Там озеро сужалось и переходило в узкую извилистую протоку, которая, в свою очередь, вела к другому озеру, его называли Дальним.

Они долго взбирались на обрыв по узкой тропинке, Арина была в шортах и ободрала коленку о камни, но заметила это только утром.

На самом верху оказалась небольшая площадка, этакая природная выемка. Очевидно, когда-то туристы ставили тут палатку, потому что осталась куча лапника и следы от костра. Он бросил на лапник свою куртку и похлопал рядом с собой:

– Садись!

Внизу блестело озеро, сверху шатром падало небо, усыпанное звездами. Луны не было, зато четко виден был Млечный Путь.

Словом, все было очень романтично, только он и не думал о романтике. Он деловито погладил Арину по плечу и расстегнул блузку. Пуговички были мелкие, но он был терпелив и аккуратен и не пропустил ни одной. Затем также деловито и уверенно расстегнул ей бюстгальтер. А когда прикоснулся к груди, ее затрясло, как будто через тело пропустили все двести двадцать вольт.

Она и не заметила, когда он снял с нее шорты и овладел прямо сразу, без поцелуев и предварительных ласк. Она не сопротивлялась и не чувствовала боли, хоть он и был у нее первым.

Вот именно, девчонки в школе наперебой хвастались своими парнями, а уж в институте-то были и вовсе откровенные разговоры. Арина как всегда помалкивала, ей нечего было сказать, впрочем, никто ее и не расспрашивал.

Единственное, что она помнит, – это небо, усеянное крупными холодными звездами, которое медленно падало на нее, накрывая, как одеялом.

Она не теряла сознания, но пришла в себя, когда он уже оделся и теребил ее за плечо:

– Вставай, замерзнешь!

Она молча оделась.

Руки дрожали, мелкие пуговицы блузки не попадали в петли. Он проследил, чтобы все было в порядке, пригладил ей волосы, вытащил из них еловые иголки.

Как потом поняла Арина, это объяснялось вовсе не заботой.

Они спустились с обрыва и пошли по тропинке в лагерь.

– Это в последний раз, – сказал он, когда стали видны плохо освещенные корпуса. – В последний раз, – объяснил он, видя ее испуганные глаза, – когда мы ходим туда вместе. Теперь будем приходить каждый сам по себе. Сначала ты, а потом я. И днем чтобы никаких разговоров, вообще ко мне близко не подходи. Мне сплетни не нужны, тебе, я думаю, тоже. Не ходи за мной!

И ушел вперед, оставив ее в лесу.

Она подождала минут десять и тоже побрела к свету. Танцы закончились, парочки разбрелись кто куда, слышался смех и тихая музыка. Арина вернулась в свой корпус, никого не встретив, и легла, накрывшись с головой одеялом.

Два дня она провела в комнате, сказавшись больной, у нее и правда поднялась температура, тошнило, и сильно болел низ живота. Не с кем было посоветоваться, не с кем поговорить, да никто бы и не стал ее слушать.

На третий день ей стало лучше. Жар спал, и она даже решилась пойти обедать. Он перехватил ее по дороге, на вытоптанном пятачке возле столовой. Не спросил ни о чем, только велел приходить вечером на обрыв. И ушел, потому что из-за поворота слышался визгливый, как дисковая пила, смех Ленки Гусаковой, и он как раз успел удалиться на достаточное расстояние.

Очевидно, у Арины было такое лицо, что Ленка остановилась и спросила, как она себя чувствует. Арина сказала, что с ней все в порядке, и ушла, обедать она передумала.

Мысль о том, чтобы не прийти ночью на обрыв, просто не приходила ей в голову.

Так и пошло, через два вечера на третий они встречались на обрыве. Все происходило очень быстро, он был спокоен и деловит, тщательно следил, чтобы у Арины не было ни синяков, ни царапин. Они почти не разговаривали.

После всего он уходил, бросив ей «пока».

Арина оставалась, как он велел. Она сидела, смотря вниз на озеро, под самым обрывом была узкая полоска берега, где причалены несколько старых рыбацких лодок. От этого места вдоль берега шла тропинка к деревне, которая выходила на зады огородов.

Иногда Арина приходила сюда днем. От спортивных занятий ее освободили, хотя температура уже прошла и физически она чувствовала себя здоровой.

Студенты посещали деревню, потому что там был крошечный магазинчик, торговавший пивом, чипсами и ужасными жевательными конфетами, но, как уже говорилось, кормили в лагере скудно, так что и этому ассортименту студенты были рады.

Арина побывала днем на узкой полоске берега, посидела в старой лодке, вытасченной на кусок песчаного пляжа... Отсюда обрыв казался очень крутым и высоким. Примерно на середине виднелась небольшая пещерка, скрытая кустами.

Так прошло две недели, к концу которых Арина спохватилась, что у нее не приходят месячные.

Она стала вспоминать, когда же это было в последний раз, получалось, что еще до приезда в лагерь.

Задержка, но вот отчего? Она не полная дура и понимает, откуда берутся дети. Но вроде бы он говорил, что принимает меры. Она вообще не соображала, что он делает и как надо.

Все это время она находилась в прострации, в беспамятстве, в каком-то полусне, как под гипнозом. Единственное, что она чувствовала, – это удар током, когда он прикасался к ней, а дальше... дальше – полный провал в памяти.

И вот наступил последний вечер, завтра нужно было уезжать. Девчонки собирались на дискотеку, Арина же ждала условленного времени, чтобы идти на обрыв.

Все было как прежде, только на небе, кроме побледневших звезд, была теперь луна. Она всходила из-за озера желтая, как огромный яичный желток.

Он явился спокойный и деловитый, как обычно.

– Подожди! – Арина отвела его руки.

– Потом, потом...

А потом, пока он отряхивал с брюк елочные иголки, она спросила, увидятся ли они в городе.

– Дело в том, что... – начала она робко, неуверенно, но он перебил ее, не дал договорить.

– Мы. Никогда. Не увидимся. В городе. – Он бил ее резкими словами, как железной палкой. – Запомни. Это. Все кончено. Да ничего и не было. Ты мне нужна была только для этого. Потому что воздержание вредно для здоровья.

Он был многословен, как никогда. За все предыдущие встречи он не сказал и десятой доли того, что Арина слышала сейчас. Она – никто, он никогда не давал ей повода думать, что у них могут быть какие-то отношения. И вообще у него в городе есть девушка, так что он рассчитывает, что она, Арина, забудет его и не вздумает беспокоить звонками или эсэмэсками.

Да это ей не удастся, потому что хоть он и не давал здесь никому номер своего телефона, он все равно его поменяет.

Арина молчала, тогда он повернулся и ушел, насвистывая какой-то мотивчик. Она осталась сидеть полуодетая, не было сил даже накинуть рубашку с длинным рукавом. Ночь сегодня была холоднее, чем раньше, – все же конец августа, но комары по дороге ели как в июне.

Арина сидела, обхватив себя за плечи, и бездумно смотрела вдаль. Понемногу до нее начало доходить очевидное.

Собственно, она и раньше не питала никаких особенных надежд, просто про это не думала, отстраняла от себя эти мысли. А сейчас его слова пробили какой-то кокон, в котором она находилась с того самого дня, как он коснулся ее руки в столовой, и Арина стала воспринимать окружающее.

Итак, что будет дальше?

Завтра отъезд, и Андрея она больше никогда не увидит. Собственно, в глубине души она и подозревала, что так будет, что ей нет места в его жизни там, в городе. И она бы покорила неизбежному, если бы... если бы не задержка.

А вдруг она беременна? И что тогда делать? Придется сказать маме, а там обязательно узнает и отчим.

Арина поежилась, представив, что он сделает. Сколько придется ей вытерпеть криков и ругательств! Это никогда не кончится, и раньше у нее была не очень счастливая жизнь, а теперь-то уж, когда она даст повод...

Потянуло ветерком, и Арина поежилась.

Луна поднялась, теперь она была лимонного цвета, и Арине показалось, что пятна на ней сложились в злорадную ухмылку.

«Что, съела? – хихикала луна. – Убила бобра? Думала, что такой парень тебя осчастливит? Ага, попользовался и бросил. Только на это ты и годишься, жалкая уродка и неудачница!»

«Все правда, так оно и есть», – думала Арина.

На душе было гадко. Жить не хотелось.

Что ее ждет завтра? Да ничего хорошего. Никому она не нужна.

Друзей у нее нет, отчим только обрадуется, когда она не вернется. Мама немножко поплачет и успокоится.

Арина ей тоже мешает, сказала же она как-то в сердцах, что все скандалы у них в доме только из-за нее.

Ну вот, теперь скандалов не будет.

Озеро призывно блестело внизу.

Арина встала, широко раскинув руки. Вот так, сразу, не разбегаясь, броситься с обрыва... и разом решить все проблемы.

Не получится, тут же поняла она.

Обрыв не такой уж высокий, она упадет на полоску берега. А если и долетит до воды, то толку не будет, у берега мелко. Она-то изучила это место и сверху и снизу, когда приходила сюда днем. Разобьешься, конечно, но не насмерть. И будешь валяться здесь с переломанными ногами, скуля от боли, и когда еще рыбак какой-нибудь сюда забредет.

Нет, если топиться, то прямо с берега. Тихо войти в теплую воду, дойти до глубины... Плавать она не очень хорошо, так что быстро выбьется из сил и пойдет ко дну. А можно взять старую, рассохшуюся лодку и отплыть на ней подальше. Лодка небось протекает, так что наполнится водой быстро. Или течение успеет ее вынести в протоку, а там – в Дальнее озеро.

Ну, найдут, конечно, но не скоро. А может, и вообще не найдут, так оно и лучше. Не станет она оставлять никакой записки, пускай думают что хотят.

Приняв решение, Арина даже приободрилась. Она оделась, при свете луны оглядела полянку на обрыве, чтобы не оставлять ничего после себя, потом решила спуститься с обрыва прямо здесь, очень уж далеко в обход.

Луна больше не усмехалась, а смотрела мрачно, без всякого сочувствия.

Арина показала ей язык и осторожно спустила ноги, нашаривая опору.

Помогло то, что она изучила этот обрыв очень хорошо, пока любовалась им снизу. Следовало действовать очень осторожно, чтобы не сорваться с крутизны и не провести ночь, охая от боли в сломанной ноге или руке.

Арина представила себе насмешливые лица девчонок и презрительное – Андрея, а также то, что скажет физрук: дескать, вот несуразная девка, идиотка и растяпа. Нет уж, такого удовольствия она им всем не доставит.

Арина очнулась от воспоминаний, услышав стук в окно машины. Это охранник интересовался, все ли у нее в порядке, она, дескать, уже минут двадцать сидит в машине, не трогаясь с места.

Арина заверила его, что все отлично, просто нужно было написать важное письмо и отправить по электронке.

Когда охранник отошел, она отругала себя за то, что поддалась слабости, и тронулась с места. Нужно отъехать подальше, чтобы этот въедливый дядька ее не видел. На кого же он похож? Ну да, на того противного физрука, так же переваливается при ходьбе и тарачит оловянные глаза.

В поселке Репино, на самом берегу Финского залива, расположено множество кафе и небольших ресторанчиков. В летний сезон все эти заведения переполнены. Но в конце января, когда на заливе нечего делать, почти все они закрыты.

Только кафе «Дюна», расположенное немного на отшибе, как ни странно, работало. На парковочной площадке неподалеку от него стояли две машины – серебристый «Мерседес» и громоздкий черный внедорожник.

За стойкой кафе маячил мрачный бармен, который, как обычно, перетирал совершенно чистые бокалы, да за столиком в углу зала сидел крупный мужчина средних лет с бритой головой и властным лицом.

В помещении было холодно, несмотря на несколько включенных радиаторов, поэтому мужчина не снимал плотное бежевое пальто. Он сидел лицом к большому окну, через которое была хорошо видна заасфальтированная парковка.

Перед этим одиноким посетителем стояла чашка кофе. Он явно кого-то ждал, то и дело поглядывая на часы.

Наконец на асфальтовой дорожке неподалеку от кафе появилась неприметная серая машина, свернула на парковку и остановилась. Из нее вышел худощавый человек невысокого роста, в черной куртке с опущенным на лицо капюшоном, с черной спортивной сумкой в руке. По хрусткому свежему снегу он подошел к кафе, толкнул стеклянную дверь и вошел внутрь.

Бармен поставил свой неизбежный бокал на стойку. Одинокий посетитель взглянул на часы. Человек в черном подошел к его столу, сел без приглашения.

– Опаздываете! – проговорил бритоголовый.

Из-под капюшона сверкнули темные глаза, и негромкий глуховатый голос отозвался:

– Пробки.

– Пробки? В это время? – Бритоголовый недоверчиво поднял брови. – Впрочем, мы сюда приехали не для того, чтобы препираться. Вы принесли то, о чем мы говорили?

– Разумеется. – Человек в черном едва заметно кивнул на свою сумку. – Только сначала мы должны урегулировать вопрос оплаты. Вы помните нашу договоренность...

– Разумеется, – в тон ему проговорил бритоголовый. – Но я должен увидеть то, за что плачу.

– Разумеется.

Бритоголовый уставился на черную сумку.

Человек в черном дернул «молнию», открыл сумку и показал собеседнику большую шкатулку из дорогого розового дерева, приоткрыл ее крышку.

– Как видите, это здесь. Но если вы попытаетесь меня кинуть, мне достаточно нажать вот эту кнопку, и шкатулка вместе с содержимым взорвется.

– За кого вы меня принимаете! – Бритоголовый неодобрительно поморщился. – Я серьезный бизнесмен.

– Именно поэтому я вас и предупреждаю.

Бритоголовый достал из-под столика портфель, вынул из него ноутбук, положил на стол, включил.

Человек в черном достал такой же ноутбук из своей сумки, открыл его.

Бритоголовый пробежал пальцами по клавиатуре. На экране вспыхнула надпись:

«Подтвердить транзакцию».

Бритоголовый ввел еще несколько символов, и по экрану побежали зеленые значки.

Человек в черном внимательно следил за процессом на экране своего компьютера.

Бритоголовый, который сидел лицом к парковке, на мгновение оторвал взгляд от компьютера и увидел, как дверца черного внедорожника беззвучно приоткрылась, из него выскользнул парень в темно-серой куртке, подкрался к серой машине, повозился с ее дверью, открыл ее и скользнул на заднее сиденье.

– Ну, вот и все, – проговорил бритоголовый, переведя взгляд на экран. – Деньги поступили на ваш счет.

– Вижу, – кивнул человек в черном. – Теперь это ваше. Можете распоряжаться по своему разумению.

Он достал шкатулку из сумки и поставил ее на стол.

– Приятно было иметь с вами дело.

– Взаимно.

Человек в черном поднялся из-за стола и пошел к выходу.

Бритоголовый открыл шкатулку и еще раз внимательно оглядел ее содержимое, затем перевел взгляд на окно.

Человек в куртке с капюшоном вышел из кафе и направился к парковке.

Бритоголовый достал телефон, нажал на нем одну кнопку и быстро, тихо проговорил:

– Он идет. Как только сядет – придуши его. Мне нужен его ноутбук, а от тела потом избавимся.

Не дожидаясь ответа, он убрал телефон и снова взглянул на человека в черном. Тот направлялся к парковке, но в последний момент свернул и прошел мимо, поднялся по склону дюны и остановился в нескольких десятках метров от парковки.

– Что за дела? – Бритоголовый привстал, быстро переглянулся с барменом.

Тем временем человек в черном достал из кармана куртки мобильный телефон, потыкал в него пальцем.

В кармане у бритоголового зазвонил телефон.

Бритоголовый схватил трубку, взглянул на дисплей.

Номер, конечно, не определялся.

Он поднес телефон к уху и услышал в трубке негромкий глуховатый голос:

– Никогда не нужно пытаться перехитрить профессионала. Это неразумно.

После этого из трубки понеслись гудки отбоя.

И в то же мгновение серая машина, на которой приехал человек в черном, превратилась в клубок ослепительного пламени, разлетелась на части. Горящие обломки полетели во все стороны, часть из них врезалась в стоящие рядом джип и «Мерседес». И только секундой позднее прогремел взрыв.

Бритоголовый в растерянности смотрел на горящие машины. Потом взглянул туда, где только что виднелась черная фигура – но ее уже не было. А чуть позднее из-за деревьев послышался удаляющийся шум автомобильного мотора.

– Он заминировал свою собственную машину, – проговорил бармен, когда наступила тишина. – Где-то поблизости его ждал второй автомобиль, который он пригнал накануне. Жалко ребят...

– Заткнись! – рявкнул бритоголовый.

Он выскочил из-за стола, показал на шкатулку и резко бросил бармену:

– Головой отвечаешь!

С этими словами выбежал из кафе, бросился к парковке.

Добежав до нее, распахнул дверцу внедорожника.

На заднем сиденье полулежал широкоплечий мужчина с окровавленным лицом. Увидев шефа, он застонал и попытался что-то сказать.

– Где мой портфель? – рявкнул бритоголовый.

Окровавленная рука показала на замшевый карман на спинке переднего сиденья.

Бритоголовый вытащил из этого кармана небольшой кожаный портфель.

– Шеф... помоги... – промычал раненый.

Бритоголовый бросил на него равнодушно-злой взгляд, захлопнул дверцу машины и бросился обратно к кафе.

Влетев в заведение, он удивленно огляделся.

Бармен лежал на полу, не подавая признаков жизни. Глаза его были выпучены, как у рака, лицо стало багровым до синевы. На горле виднелись синие отметины.

– Черт! – выдохнул бритоголовый, оглядываясь по сторонам.

Кроме него и мертвого бармена, в кафе никого не было.

Деревянная шкатулка лежала на полу, крышка ее была открыта.

Бритоголовый наклонился над шкатулкой, увидел, что ее содержимое на месте, и облегченно вздохнул.

Все остальное не имело значения.

Он тяжело опустился на стул, достал мобильник, нажал пару кнопок и проговорил:

– Игорь, приезжай за мной в «Дюну». Прихвати пару ребят и группу зачистки – здесь нужно будет прибраться. Да, основательно прибраться – тут здорово намусорили.

Арина проехала несколько улиц и остановилась возле торгового центра. Там, на втором этаже, нашла приличное кафе и попросила чашку чая – черного, крепкого и погорячее. Чай ее успокоит.

Но официантка не успела принести чай, воспоминания нахлынули с новой силой.

Арина вновь ощутила себя на том обрыве. Одна, брошенная всеми, даже луна смеялась над ней.

Она почти преодолела трудный спуск, до низа оставалось метра четыре, как вдруг услышала приближающиеся шаги.

Андрей вернулся?

Но нет, шли двое или трое и, судя по шуму и приглушенным ругательствам, это были мужчины.

Рыбаки? Но для них еще рано. Не отдавая себе отчета, Арина скользнула в небольшую пещерку, что как раз оказалась рядом. Там пахло плесенью, помойкой, и еще, очевидно, кто-то использовал пещерку вместо туалета.

Вход в пещерку была закрыт разросшимися кустами дикого шиповника.

Арина исцарапалась, но терпела, не издавала ни звука. Сквозь кусты ей было видно, что на берег вышли трое мужчин в темной одежде, несмотря на теплую погоду. Они несли какой-то тюк, судя по всему, тяжелый и неудобный. Точнее, двое несли, а третий – маленький и верткий – суетился, забегал вперед и всячески им мешал.

– Вот тут как раз удобно, – суетился маленький, – как раз можно в воду ее, а там уж...

– Оборзел совсем? – рявкнул, отдуваясь, здоровенный парень. – Тут же мелко, сразу к берегу прибьет!

– Не ори! – цыкнул третий. – И ты не суетись тут. Не поднимай шум. Мало ли кто в деревне услышит, нам лишние неприятности не нужны. И так уже хватает...

– Да я ничего, – скуксился маленький, – я как лучше хотел... помочь хотел...

Здоровый парень пнул ногой лодку, лежащую на берегу.

– О, рассохлась совсем, сгодится!

– Это дяди-Мишина лодка, – неизвестно зачем сказал маленький, – он уж второй год из дому не выходит, как ногу сломал...

– А нам по фигу, чья она, – сказал рослый.

Одной рукой он перевернул лодку и столкнул ее в воду. Третий парень, который, судя по всему, был в этой компании за старшего, достал из кармана складной нож и разрезал веревку, которой перевязан был длинный тюк.

– Черт! – прошипел он. – Кровищи-то! Поварешка, раздевай ее! Не стой столбом!

– Чего это я? – заныл маленький. – Я вообще покойников боюсь!

– Делай что велят, не тяни резину!

Если и были у Арины какие-то сомнения, то теперь они развеялись. Эти трое притащили на берег труп. И хотят его утопить. Как говорится – концы в воду.

Эта мысль была такой дикой – здесь, в тихой деревне, под сияющим звездным небом, где озеро под луной гладкое, как зеркало, вдруг появились какие-то криминальные личности с трупом!

Не веря себе, она высунулась подальше. Кусты предательски затрещали, и тут же старший поднял голову.

– Кто там?

– Да никого, – сказал маленький, – птица, наверное, или белка. Кому здесь быть. Сюда если только рыбаки рано утром придут, хотя в августе какой клев...

– Это хорошо, что никого, – медленно сказал старший, – нам лишние глаза ни к чему...

И Арина почувствовала дикий страх.

Если эти трое найдут ее здесь, то наверняка не оставят в живых, просто отправят следом за той, кого они принесли завернутой в мешок. Ну да, они говорят «она», стало быть, труп женский.

Очень тихо она отползла подальше от входа, закусив губу, чтобы не заорать. Ужас был такой, что не мог находиться внутри, рвался наружу. Она сунула руку под рубашку и что есть силы ущипнула себя за бок. Как ни странно, это помогло загнать липкий страх поглубже. Руки не дрожали, и зубы не стучали.

Те трое между тем делали свое дело.

Двое раздели труп, разрезав одежду, и положили его в лодку. Луна зашла за тучку, и Арина видела, как тело белеет в темноте.

– Красивая девка... – вздохнул здоровенный парень, – и какого хрена он...

– Заткнись! – предупредил старший. – Не болтай лишнего!

– Зачем ее раздевать-то нужно, – бубнил маленький, сворачивая одежду в узел.

– Затем, что голую быстрее рыбы сожрут! – прошипел старший. – Кроме того, по одежде скорее опознают. А так лодку течением в протоку утянет, потом она ко дну пойдет, когда водой наполнится, а тело в Дальнем озере окажется. Там уж если и найдут, то не скоро.

Арина вздрогнула, услышав то, что совсем недавно планировала сама.

– И не ной тут, достал уже, сам это место предложил!

– Да я ничего... – В голосе маленького слышался страх.

Послышался плеск, это самый здоровый парень вошел в воду, подталкивая лодку.

– Ну все, теперь шмотки только выбросить... Ты куда это полез, Поварешка?

Арина услышала, как совсем рядом трещат кусты и осыпаются камешки под чьими-то ботинками.

– Счас, – слышалось пыхтение, – тут яма такая есть, туда засунуть можно!

– Ты что, сдурел совсем? – Старший повысил голос. – Засунуть! Ведь найдут!

– Да кто тут найдет, сюда никто не ходит, – и вот уже чья-то рука отвела от входа куст шиповника.

Арина сама не помнила, как оказалась в противоположном углу пещерки и застыла, скорчившись и закрыв глаза, чтобы не блестели в темноте. Хорошо, что шорты темные и рубашка неброская с длинными рукавами! Сердце поднялось в горло и застряло там, так что она не могла вздохнуть.

– Найдут, мальчишки полезут или еще кто! Сказано, лезь назад! В болоте шмотки утопим!

– Да счас... – Арина услышала хриплое дыхание, возню, а потом совсем рядом полилась пахучая струя.

Она еще больше сжалась и старалась не дышать.

– Да иду уже! – Тот, кого называли Поварешкой, вздохнул с облегчением, снова послышалась возня, а потом что-то упало прямо на Арину.

Она поскорее подхватила этот предмет, чтобы не звякнул, ударившись о камни.

Парни ушли, тихонько поругивая Поварешку, и только когда шаги стихли, Арина решилась пошевелиться и вдохнуть спертый отвратительный воздух. Ноги затекли от неудобного положения, так что она добралась до входа в пещеру ползком и выглянула наружу.

Луна вышла из-за облаков и освещала теперь озеро и плывущую вдалеке лодку с ужасным грузом. Сердце у Арины билось теперь в обычном месте, там, где положено, дышалось свободно. Она ощущала себя какой-то другой.

Может такое быть, чтобы страх расплавил в ее голове какой-то узел и теперь она может мыслить здраво?

Было похоже, что в голове теперь находится кто-то сильный и умный, который говорит с ней по-доброму.

Арина разжала кулак, в котором до сих пор держала то, что поймала в пещере. Она думала, что это монетка, а оказалось – кусок чего-то металлического с обломанным краем. Какой-то значок или застежка... при свете луны не разглядеть толком.

«Не расслаживайся, – велел ей тот сильный и умный, кто помогал ей теперь, – они могут вернуться. Тот растяпа хватится значка, а вдруг по нему можно будет его узнать?»

Арина поняла, что нужно немедленно уходить с этого места. О том, что хотела утопиться, она забыла. Лезть вверх, на обрыв не было ни времени, ни сил. Идти в деревню она не хотела. Самое умное будет сейчас тихонько вернуться в лагерь и забыть все, что видела. Той несчастной в лодке уже не поможешь.

Итак, она решила идти вдоль берега озера в сторону лагеря. Обрыв скоро кончится, можно будет выбраться на узкую тропинку, ведущую к лагерю, и незаметно проскочить в корпус. Все сейчас на вечеринке по поводу отъезда, так что никого она не встретит. А завтра уехать отсюда поскорее.

Но эти трое тоже пошли в ту сторону. Очевидно, где-то к озеру есть подъезд, не тащили же они труп от самого шоссе.

Очень осторожно Арина спустилась вниз. Лодки уже не было видно, она скрылась за камышами. Кто эта покойница? За что ее убили?

«Не думай об этом!» – приказал тот, кто теперь сидел у нее в голове и давал советы.

Арина тихонько пошла вдоль берега, стараясь ступать как можно тише. Шла минут десять и вдруг увидела впереди проблески света. Это были фары машины.

Ну да, она подумала верно, здесь к берегу можно было подъехать. Не то чтобы дорога, но вырублены кусты, и в самом топком болотистом месте проложена гать. У машины стояли двое – старший из парней и еще один, в светлой футболке.

– Сейчас они вернутся и можно ехать, – говорил старший, – я велел подальше в болото зайти, чтобы узел выбросить.

– Что-то долго нет, фарами посвети, а то еще провалятся в болото, – хрипло сказал тот, другой.

Арина, отступавшая в темноте, споткнулась о кочку.

– Они, что ли?

Арина успела плюхнуться в жижу за долю секунды до того, как фары скользнули по болоту.

– Не они. Птица, наверное. Или заяц. Тут глушь такая, с этой стороны озера вообще никто не ходит.

Арина чувствовала, что еще немного – и сердце ее просто разорвется от страха и напряжения.

Свет ушел в другую сторону, оттуда послышался бодрый мат и треск сучьев под ногами. Очевидно, вернулись те двое, утопив в болоте мешок с одеждой. После чего мотор завели, и машина уехала.

Арина выползла из вонючей жижи на кочку и поняла, что ноги ее идти не могут. Она обняла кочку, зарылась лицом в мягкий мох и просто вырубилась на некоторое время.

Очевидно, ненадолго, потому что когда Арина подняла голову, луна светила все так же ярко, только была уже не лимонного цвета, а серебристо-белого. И в этом свете Арина увидела на соседней кочке свернувшуюся кольцом змею.

Гадюка, ну где ей еще быть, как не на болоте.

Арина почувствовала, что сейчас умрет.

Вот прямо сейчас сердце просто разорвется от дикого ужаса. Что там прошлый страх, когда она сидела в пещере, боясь дышать, и смотрела, как трое бандитов пытаются утопить труп в озере! Казалось бы, сильнее страха не может быть, а вот надо же...

Однако кто-то умный и сильный, кто сидел теперь в ее голове, сказал, чтобы она немедленно взяла себя в руки. Гадюки не нападают просто так, это не кобры.

Очень осторожно Арина убрала левую руку, которая была ближе всего к той кочке. Затем подтянулась и встала на ноги. Ничего, могут ее держать.

Змея презрительно зашипела и неторопливо поползла прочь. Арина выпростала ноги из болотной жижи и рванула в противоположную сторону.

Очухалась она на тропинке, узнав знакомые места. Вот тут дерево поваленное, а там – овражек неглубокий, стало быть, лагерь близко. Ну да, вон и музыка слышна, гуляют студенты.

Арина оглядела себя всю – мокрую, грязную, измученную – и тут до нее дошло, что дело не только в этом. Вот и конец задержке, очевидно, от стресса все случилось очень бурно. Раньше она существовала на адреналине, теперь же накатила слабость и боль.

Однако в голове прозвучал строгий приказ, чтобы не смела расслабляться, а быстрее шла к лагерю. Кто знает, кого еще можно тут встретить.

Встретила она пьяного в хлам физрука, который, себя не помня, брел куда-то по тропинке, бормоча ругательства.

Арина загодя схоронилась за придорожными кустами, и физрук ее не заметил, он дошел уже до такого состояния, что и медведицу бы в кустах проглядел.

Возле корпуса Арина сбросила черные от грязи кроссовки и пошла босиком, чтобы не оставлять следов. Забрала в комнате полотенце и все чистое и прокралась в душевую.

Душевая находилась во дворе и по ночному времени была закрыта. Но все девчонки знали, что навесной замок открывается простой булавкой. Вода в баке почти остыла.

Арина, пожевываясь, все же вымылась и кое-что простирнула. После чего улеглась в постель и неожиданно для себя заснула, едва голова коснулась подушки, не слышала даже, как пришли девчонки с дискотеки.

Утром никто не хотел подниматься.

Ленка Гусакова громче всех стонала, что ей плохо, но все же пошла к завтраку. И влетела в комнату с вытаращенными глазами: в лагерь приехала полиция, и арестовали Андрея Леденцова!

– Как это? – Девчонки сонно шурились, не в силах осознать случившееся.

Арина, как всегда, промолчала.

Ленка, даром что с похмелья, успела выяснить многое. Кто-то из парней подслушал разговоры полицейских, а сама Ленка разговорила уборщицу тетю Маню из той же деревни.

Оказалось, что рыбак увидел запутавшуюся в камышах лодку, признал в ней дяди Мишину собственность и забеспокоился, не он ли там лежит. Хотя и не выходит из дому, а мало ли что пьяному взбредет в голову. Когда рыбак подплыл ближе и увидел жуткое содержимое лодки, то горько пожалел о том, что сделал. Но назад ходу не было, его уже видели другие рыбаки.

Очевидно, лодка только с виду была совсем непригодная, а от воды доски разбухли, и она поплыла. И запуталась в камышах, так что не выплыла в Дальнее озеро.

Сообщили в полицию, а там оказалось, что как раз ищут молодую женщину, которая пропала вчера утром. Она оказалась дочкой какого-то богатого и влиятельного человека, вроде ее похитили...

Тут Ленка честно призналась, что точно не знает, в чем там дело. А Андрея Леденцова арестовали потому, что видели его вечером в деревне. Он заходил в магазин, и пришел, кстати, от берега, то есть от того места, где убитую девушку положили в лодку.

Больше никто из студентов в деревню в тот вечер не навещался, они все гуляли на отвалной. Менты вцепились в Андрея, потому что он не мог объяснить, что делал на берегу. Сказал, что гулял, но ему не поверили.

Андрея увезли, и тут все приуныли, потому что полицейские строго-настрого запретили директору вывозить отдыхающих, да еще и прихватили физрука, у которого, как оказалось, была судимость за кражу, а он ее скрыл, когда устраивался на работу.

Директор совсем упал духом: студентов надо было кормить, а продуктов не закупили, поскольку думали, что лагерь закрывается, все же конец августа. Опять же физрук подгадил со своей судимостью, да еще и менты посулили напустить на директора финансовую проверку. А уж те, ясное дело, найдут злоупотребления, как не найти. В общем, неприятностей не оберешься.

Менты были злые от того, что влиятельный человек, чью дочку убили, поднял на ноги всех, и теперь свое начальство наезжало на них со страшной силой, требуя раскрыть дело как можно скорее и не принимая никаких оправданий.

День прошел в унынии.

Арина позвонила матери и сообщила, что выезд задерживается, она потом объяснит, как и что. Мама не особенно забеспокоилась, они только что вернулись из отпуска, у нее было полно неотложных дел.

Девчонки сидели на чемоданах и скучали.

На обед подали что-то и вовсе не съедобное, на ужин директор пообещал только чай с хлебом.

«Как в тюрьме», – ругалась Ленка Гусакова и подговорила девчонок смотаться в магазин, одна она идти боялась.

Они вернулись еще с одной новостью – погиб один деревенский, Витька Половник.

Ну да, фамилия такая, и мать его Половник, и бабка тоже была Половник. Витька был парень пустой и вороватый, в деревне на него злились, пару раз даже побили за воровство. И кличку дали Поварешка, по фамилии.

Услышав такое, Арина наострила уши.

До этого она не прислушивалась к Ленкиной болтовне. Болела голова, ныл живот, как всегда бывает в первый день, а нынче было еще хуже. Но тут сонное оцепенение мигом прошло, она села на кровати и спросила, как погиб этот самый Поварешка.

«Разбился на мотоцикле», – отвечала Ленка Гусакова.

Мотоцикл украл у местного фермера, за что тот пообещал Поварешку убить. Но тот и сам гробанулся, видно, пьяный был. Хотя в последнее время не пил и не воровал, потому что прибил к «викингам».

Тут все замолчали.

В трех километрах от деревни располагалась непонятная полуспортивная организация под названием «Викинги».

Было построено новое здание, напоминавшее ангар, территория была обнесена высоким забором. Чем там занимались эти самые «викинги», спортом или еще чем, никто толком не знал. Вход на территорию охранялся, в деревне они не появлялись. Время от времени слышались оттуда выстрелы и отрывистые слова команды.

Студентов по приезду предупредили, чтобы к «викингам» не совались. Было, дескать, пару раз такое, что парни полезли или девчонки перед воротами болтались, так ничего хорошего из этого не вышло – парней побили, а девчонок отогнали.

Несколько раз Арина видела этих «викингов».

Форма у них была черная, полувоенная, они ходили в ней постоянно, несмотря на жару. По сторонам не смотрели, на девчонок не отвлекались.

Когда все вышли из комнаты, Арина полезла в чемодан, куда убрала грязные шорты, и нашла в кармане ту самую железку, что поймала в пещере на берегу. Это оказался кусок пряжки. Очевидно, отвалился, когда Поварешка возился со штанами. Приспичило ему, видишь ли, торопился очень!

Да, пряжка фирменная, особенная, сделана, наверно, на заказ, такой вытянутый овал, и стилизованное «В» в середине. То есть половина буквы, но узнать можно. Приметная вещь. Стало быть, это «викинги» все устроили.

Значит, этот дурак Поварешка увидел, что потерял кусок пряжки. И ума у него не хватило промолчать. Узнали остальные и успокоили Поварешку, устроили ему аварию на мотоцикле.

Вряд ли он сам решил чужое транспортное средство угнать, зачем ему? Уж очень нехорошее получается совпадение.

Все это высказал Арине тот самый умный голос, что звучал теперь в ее голове в нужную минуту. Он посоветовал держать ухо востро и быть готовой к большим неприятностям.

«Куда уж больше», – усмехнулась Арина и, как оказалось, ошиблась – было куда.

На следующее утро, когда все уже озверели от безделья, в лагерь приехали полицейские. Как объяснил директор, они решили провести допросы прямо в лагере, чтобы не возить людей туда-сюда, не тратить свое время.

И первой, кого вызвали в кабинет директора, была Арина. Она не то чтобы была к этому готова, но добрый советчик в голове велел быть начеку. Так что она причесалась, надела джинсы и темную майку и ждала. Никакой косметики накладывать не стала.

Допрашивали двое – один молодой, толстый и белобрысый, другой постарше, худой, волосы пегие от седины, и пахло от него какой-то помойкой, или же Арине в ее состоянии так показалось.

– Ну, признавайся, – вроде бы добродушно начал белобрысый, – спала с ним?

– Вы о ком? – Арина очень удачно изобразила изумление.

– О Леденцове, – нахмурился белобрысый.

Арина молча тарачилась на него.

– Так, – сказал немолодой, – значит, начнем сначала.

И далее довольно внятно сообщил, что задержанный Леденцов дал показания, что в ту самую ночь, когда убитую женщину положили в лодку на берегу, он встречался с ней, Ариной, на обрыве, для того и ходил туда. А потом он пошел в деревню, зашел в деревенский магазин, по дороге никого не видел.

Пока он говорил, в голове у Арины молнией проносились мысли.

Вот признается она, что они встречались с Андреем, даст ему алиби, и его выпустят. А ее станут допрашивать. И придется сказать, что она осталась там, на обрыве.

Можно, конечно, соврать, что сразу пошла к лагерю. Но кто знает, как они тут допрашивают, так что она может признаться, что видела троих, которые положили тело в лодку.

Конечно, можно не говорить про кусок пряжки, но ведь наверняка кто-то из «викингов» имеет связь с полицейскими. Тут место тихое, малолюдное, все друг друга знают. Уж если Поварешку успокоили только за то, что он потерял кусок пряжки, то что они сделают с ней, свидетельницей?

«Молчи, – приказал умный голос в голове, – все отрицай. Ничего не было. Пускай этот Леденцов сам выпутывается. Тут такое дело, что каждый за себя».

– Ну, что скажешь? – спросил пожилой.

И посмотрел нехорошо, пронзительно.

– Ничего не скажу. – Арина пожала плечами. – Не было этого. Никогда с ним не встречалась, двух слов за всю смену не сказала, кого угодно спросите.

– Спросим! – пообещал белобрысый. – А чего он тогда именно на тебя указал?

– Понятия не имею, у него и спрашивайте!

– Сама где была, на дискотеке тебя никто не видел! – Снова немолодой мент смотрел нехорошо.

– В душе мылась и постирушку устроила.

– Что ночью, другого времени не нашла?

– Женские проблемы, – Арина беспомощно развела руками, – всегда в это время плохо себя чувствую, не до танцев было...

Арину отпустили, но поговорили с другими.

– Кто? – возмущенно кричала Ленка Гусакова. – Эта моль бледная, мышь белая? Да чтобы такой парень, как Андрюша Леденцов, на нее внимание обратил? Да она пустое место, ноль без палочки, с ней никто и не разговаривал никогда! Да он мимо проходил, небось и не запомнил ее в лицо!

Очевидно, тем двоим надоели Ленкины причитания, и они выгнали ее вон.

– Ну, ты даешь! – напустилась Ленка на Арину, едва выйдя.

– Да я-то при чем! – Арина пожала плечами.

– Нет, а с чего это он сказал? – Ленка схватила ее за руку.

– Отвали от меня! – Арина вырвала руку и не сдержалась. – Дура!

Остальные девчонки молчали, в кои-то веки они были согласны с Ариной.

Полицейские собрались уезжать, переписав всех, кто был в лагере. Вездесущая Ленка Гусакова умудрилась подслушать, что Андрея перевозят в город, а им можно уезжать. Кого надо, в городе вызовут. Все обрадовались и подхватили чемоданы, но тут вошел белобрысый мент и поманил Арину пальцем:

– Поедешь с нами! Очную ставку тебе устраивать будем!

– Да какого черта! – заорала вдруг Ленка Гусакова. – Чего вы к ней привязались? И к нему тоже!

– Как же я потом в город попаду? – растерялась Арина.

– На поезде, – отмахнулся белобрысый, – давай поехали, сколько уже тут проваландались, а все без толку!

До райцентра, где держали Андрея, добирались долго, потому что спустило колесо.

Белобрысый тихо матерился, взясь с домкратом, немолодой мент курил в сторонке. Арина размышляла, точнее, прислушивалась к советам того, умного и сильного, который изредка возникал теперь в ее голове.

«Стой на своем, – говорил он, – ни в чем не признавайся. Очень менты не любят, когда свидетели показания меняют. Нигде той ночью не была, вообще из лагеря не уходила, в душе мылась. Леденцова этого знать не знаешь!»

Возле здания полиции белобрысый кивнул на скамейку и велел Арине ждать. Она долго сидела на солнцепеке, наконец решила перейти площадь и купить в ларьке бутылку воды. А когда вернулась, белобрысый набросился на нее с руганью за то, что ушла, и сказал, что в следующий раз посадит в камеру к бомжам.

Арина фыркнула – нашел чем пугать, подумаешь, бомжи. Посидел бы в той пещере, когда эти «викинги» рядом труп в лодку совали, вот там страху-то натерпелась. Или когда гадюку рядом увидела.

Белобрысый ушел.

Солнце палило нещадно, и Арина отошла за угол здания, где была хоть какая-то тень. И увидела, как подъехала машина, а из нее вышел парень в черной форме, второй остался за рулем. Вот как вспомнила про них – так они тут как тут!

Парень подождал минут пять, и к машине подошел тот самый белобрысый мент.

Ах вот как...

Двое поговорили о чем-то тихо, потом белобрысый ушел.

«Ну, – сказал в голове Арины добрый советчик, – вот кто с этими «викингами» связан. Может, по дружбе им все рассказывает, может – за деньги. Ты, главное, молчи».

Арина еле успела вернуться на скамейку, вышел пожилой мент и позвал ее за собой.

В кабинете сидел еще один тип, представившийся следователем.

Арина даже не запомнила, как он выглядит.

Потому что привели Андрея. И тут она едва сдержала крик.

Это был не Андрей. От того красивого парня, который коснулся когда-то в столовой ее руки, не осталось ничего. Где гордая осанка, где презрительный взгляд поверх голов, где чуть нахмуренные темные брови, где чуть надменная улыбка...

Ничего этого не было. Того человека вообще больше не было. Перед Ариной стоял... Точнее, не стоял, потому что охранник поддерживал его за плечо, и было такое чувство, что если его отпустят, то Андрей просто свалится на пол. Не с грохотом, потому что нечему было грохотать, было похоже, что из него просто вытащили все кости, и теперь это аморфное существо, которое просто растечется по грязному полу, как мороженое на раскаленном асфальте.

– Садись! – Пожилой мент толкнул Андрея к стулу.

Андрей смотрел куда-то вбок, в сторону, как будто у него не поворачивается шея. Арина заметила у него на щеке заживающий синяк.

Монотонным голосом он ответил на вопросы следователя, дальше сказал, что они с Ариной встречались на обрыве в тот вечер, для того и пошел он туда.

– Ну, что скажете? – спросил следователь Арину.

– То же, что и раньше, – она пожала плечами, – не было меня на обрыве, и с Леденцовым мы не встречались, ни тогда, ни вообще. Он на меня и внимания не обращал, не здоровался даже.

Андрей посмотрел на нее; кажется, в первый раз он на нее посмотрел с чувством. Это чувство было изумление, переходящее в ненависть. А потом – в страх.

– Она врет, – сказал он, – она мне нарочно мстит.

– За что это, интересно? – спросил следователь. Видно было, что ему скучно и хочется поскорее закончить очную ставку, которая все равно ничего не даст.

– Она... она... за то, что я ее бросил! – закричал Андрей. – Она нарочно не говорит, как было! Она, идиотка убогая, дождалась своего часа, теперь мстит!

– Ну-ну, – хмыкнул пожилой мент, – если она такая идиотка убогая, так чего же ты с ней спал? Там девчонок симпатичных полный лагерь, а ты эту выбрал?

– Да не было у нас с ним ничего! – Арина разозлилась на «убогую», что идиотка она, так это точно. – Вы же спрашивали у ребят, никто нас вместе не видел!

Видит бог, она не хотела злорадствовать, но он услышал в ее голосе что-то. И внезапно бросился на нее через стол, Арина едва успела отшатнуться, так и то он больно дернул ее за волосы.

– А ну сидеть! – заорал следователь. – Да что же это такое!

Пожилой мент уже схватил Андрея за плечи и изо всей силы бросил обратно на стул.

– А-а! – Андрей вдруг затрясся, как припадочный, и начал биться головой о стол.

– Да что вы с ним сделали? – закричала Арина. – Он же не в себе, совсем ничего не соображает!

Мент крикнул охранника, Андрея уволокли прочь.

– Его же к врачу надо! – не успокаивалась Арина, хотя тот, в голове, советовал ей помолчать.

– Вот отправим в город, там и врачи, и адвокаты, – вздохнул следователь, – а у нас особо никого. Подпишите здесь и здесь.

– И куда мне теперь? – безнадежно спросила Арина.

Тут явился белобрысый мент и сказал, что подбросит ее к поезду, ему как раз на станцию надо. Выглядел он довольным жизнью.

«Не иначе, «викинги» денег дали», – поняла Арина.

Угостил Арину чипсами и колой, так что она решила поинтересоваться, как теперь будут развиваться события.

Белобрысый нахмурился было, но Арина сделала придурковатое лицо, и он проболтался, что Леденцова заберут в город, но, в общем, ничего особенного ему не инкриминируют, поскольку установлено, что умерла эта самая Анастасия Лаврушина утром, а не вечером того дня, когда ее труп в лодку сунули. И машину ее нашли далеко от деревни, на шоссе. А утром и днем Леденцова многие видели в лагере.

– А вообще тебе скажу, – по-свойски заговорил белобрысый, – что Леденцов этот – полное дерьмо. Не парень, а каша манная. Совсем раскис, на первом же допросе чуть не обделался.

– Так вы же его били...

– Да что там его били! – возмутился белобрысый. – Ну, дали пару раз по морде, когда он заедаться начал, да к бомжу посадили дяде Грише. Он, конечно, здорово воняет, и звери разные по нему ползают, зато безобидный. А этот вон запсиховал. Нет, дрянь мужик, на такого и плевка жалко...

В этом вопросе Арина была с белобрысым ментом совершенно согласна. Она улыбнулась ему приветливо, и тут он посмотрел на нее с интересом.

– Глаза у тебя красивые, – задумчиво сказал он. – Слушай, а ты точно на обрыве том не была? Так просто спрашиваю, не для протокола...

«Ага, не для протокола, – тут же прозвучало в голове у Арины, – это он для «викингов» старается. Значит, все-таки подозрения какие-то имеет... Черт бы побрал этого Андрея Леденцова!»

– Да не была я нигде, – вздохнула Арина, – за ним, знаешь, какие девчонки бегали? Куда уж мне...

– Это ты брось, – решительно сказал белобрысый, – все от человека зависит. Иная помотришь – уродина полная, а подмажется, подкрасится – оно и ничего даже!

Подъехали к станции.

Кассирша сказала, что электричка будет только через три часа, но можно подсесть на скорый, который как раз сейчас прибудет и простоит две минуты.

Белобрысый оживился, сказал, что у него там знакомая проводница в пятом вагоне.

Проводница оказалась толстой жизнерадостной теткой с высветленными кудрями.

– Кать, возьми вот девчонку до Питера! – сказал белобрысый, подсаживая Арину с чемоданом в вагон.

– Петя, никак, твоя? – удивилась проводница.

– Это по работе, – важно сказал белобрысый Петя и помахал вслед вагону рукой.

Арина увидела за зданием станции машину и две фигуры в черном. Неужели «викинги»? А может, показалось...

Арина снова очнулась от воспоминаний.

Чай перед ней давно остыл, а она все машинально мешала и мешала в нем ложкой, хотя и не положила сахар, вообще сладкий чай никогда не пила.

Нужно встать и ехать домой. Хорошо, что муж сегодня придет домой поздно, какая-то у него встреча, куда он Арину с собой не возьмет, а ей и лучше.

Она вернулась вечером, мужа не было дома, чему Арина даже обрадовалась, не было сил разговаривать. Арина отказалась от ужина и отпустила приходящую прислугу. Муж не любил, когда кто-то оставался в доме на ночь, кроме охранника.

Арина нанесла на лицо ночной крем, легла, погасила лампу на прикроватной тумбе, натянула одеяло до подбородка.

У них с мужем были отдельные спальни, так было удобнее обоим.

Арина любила свою спальню, она сама спроектировала ее, не доверяя нахальному дизайнеру, – в минималистском японском стиле.

Стены и шторы были изысканного сиреневого оттенка, по ткани штор разбросаны иероглифы, мебель – черного лака, на стенах висели настоящие японские гравюры.

Изредка муж навещал ее поздно вечером, но после непродолжительных ласк всегда уходил к себе – он говорил, что иначе ему трудно заснуть.

Арина обычно засыпала быстро, легко, но сегодня что-то ее беспокоило.

Едва она закрывала глаза, как перед ней всплывали картины далекого прошлого, та самая ночь... ночь, которую она давно пыталась забыть. И ведь преуспела же в этом, упорядочила свою жизнь. Не то чтобы она очень счастлива замужем, но зато спокойна. А это – главное.

Муж дал ей безбедную и спокойную жизнь, а это много значит. После ее несчастливого детства, после ужасных событий, что случились пятнадцать лет назад, Арина это заслужила.

Что ж, придется снова отдаться воспоминаниям, судя по всему, сегодня без этого не обойтись.

Арина помнила, как вернулась тогда домой.

Пришлось кое-что рассказать родителям, отчим привязался сразу же с вопросами, отчего она не вернулась вовремя. И если нормальные родители, услышав такое, испугались бы за дочку, посочувствовали бы ей, кстати, мама и пыталась ахать и охать, то отчим сразу это пресек. Как же, беспокоятся о ком-то еще, кроме него, так не пойдет.

– Ты не врешь? – спросил он, схватив Арину за подбородок и сверля ее пронизывающим, как он думал, взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.